

Даже
Лондон

Белый Клык

Художник
Т. Никольский

Это была дикая северная глушь. По замёрзшей реке проби-
ралась упряжка ездовых собак. Рядом молча тащился человек. [7]

Уже много дней его преследовал угрюмый вой голодной волчьей стаи. По ночам собачи в страхе сбивались в кучу так близко к костру, что огонь подпаливал им шерсть.

Зверь, уничтоживший половину собачьей упряжки, не походил на волчицу. Он был не совсем обычной масти. И скорее напоминал эскимосскую собаку.

Тянулись, похоние один на другой, дни и ночи без сна. Дрова подходили к концу. Огонь догорал. — „Ну, теперь вы, кажется, можете меня слопать“, — пробормотал человек засыпая.

Но волни вдруг исчезли. Шесть человек расталкивали и трясли его. Он пробормотал страшным голосом: „Рыжая волчица... сожрала собак“.

Рыжая волчица и одноглазый волк вместе гонялись за добычей. Но весной волчицей овладело беспокойство. Она обнюхивала укромные местечки и наконец нашла то, что искала, — [7] узкую сухую пещеру.

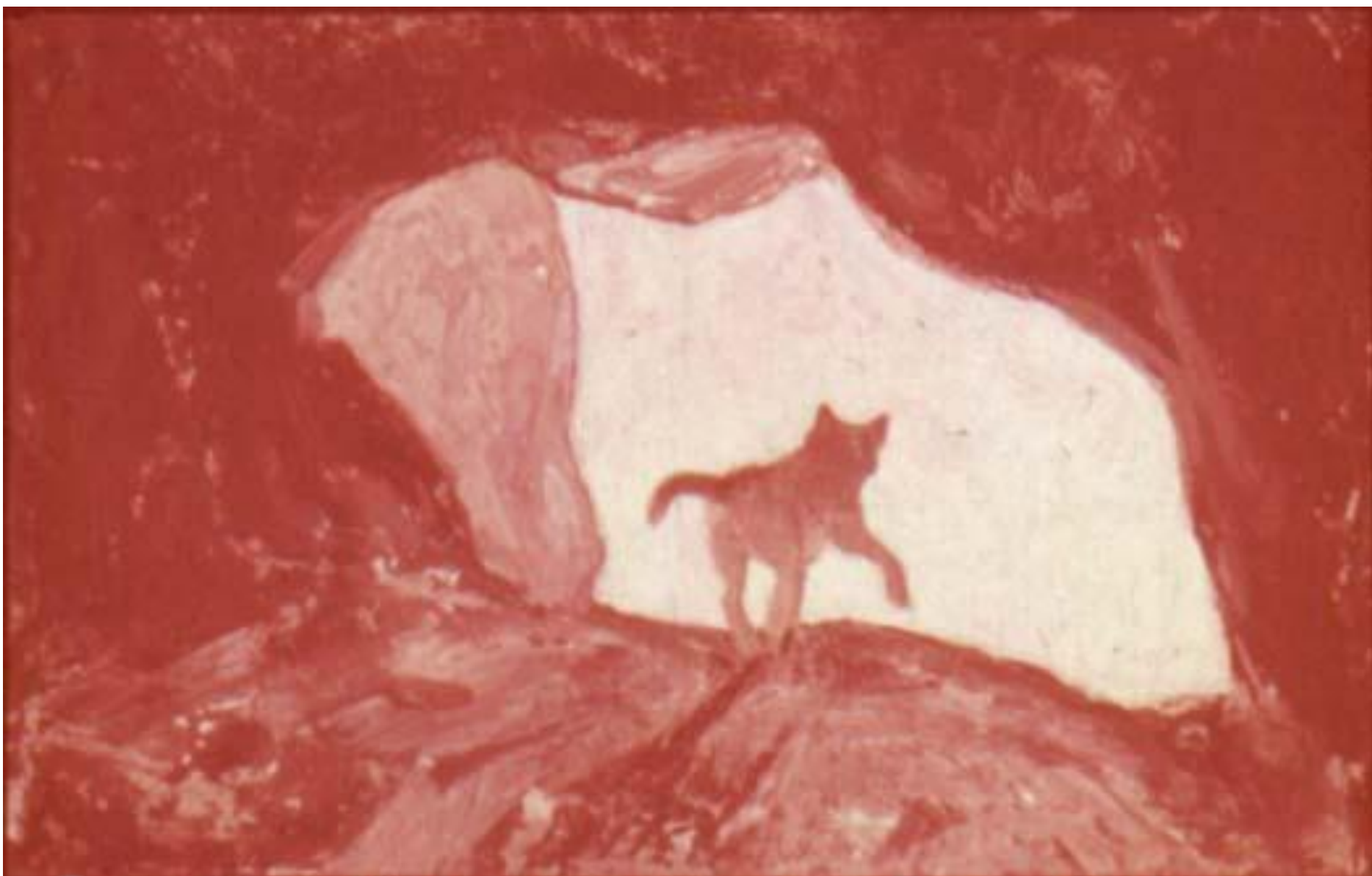
Однажды волчица встретила Одноглазого сердитым рычанием. У ног её, прильнув к животу, копошились пять маленьких клубочков. Беспомощные, они тихо повизгивали и не открывали □ ли глаз.

Один из них не был похож на своих братьев и сестёр, шерсть которых отливала рыжеватым оттенком. Он был единственным □ серым волчонком.

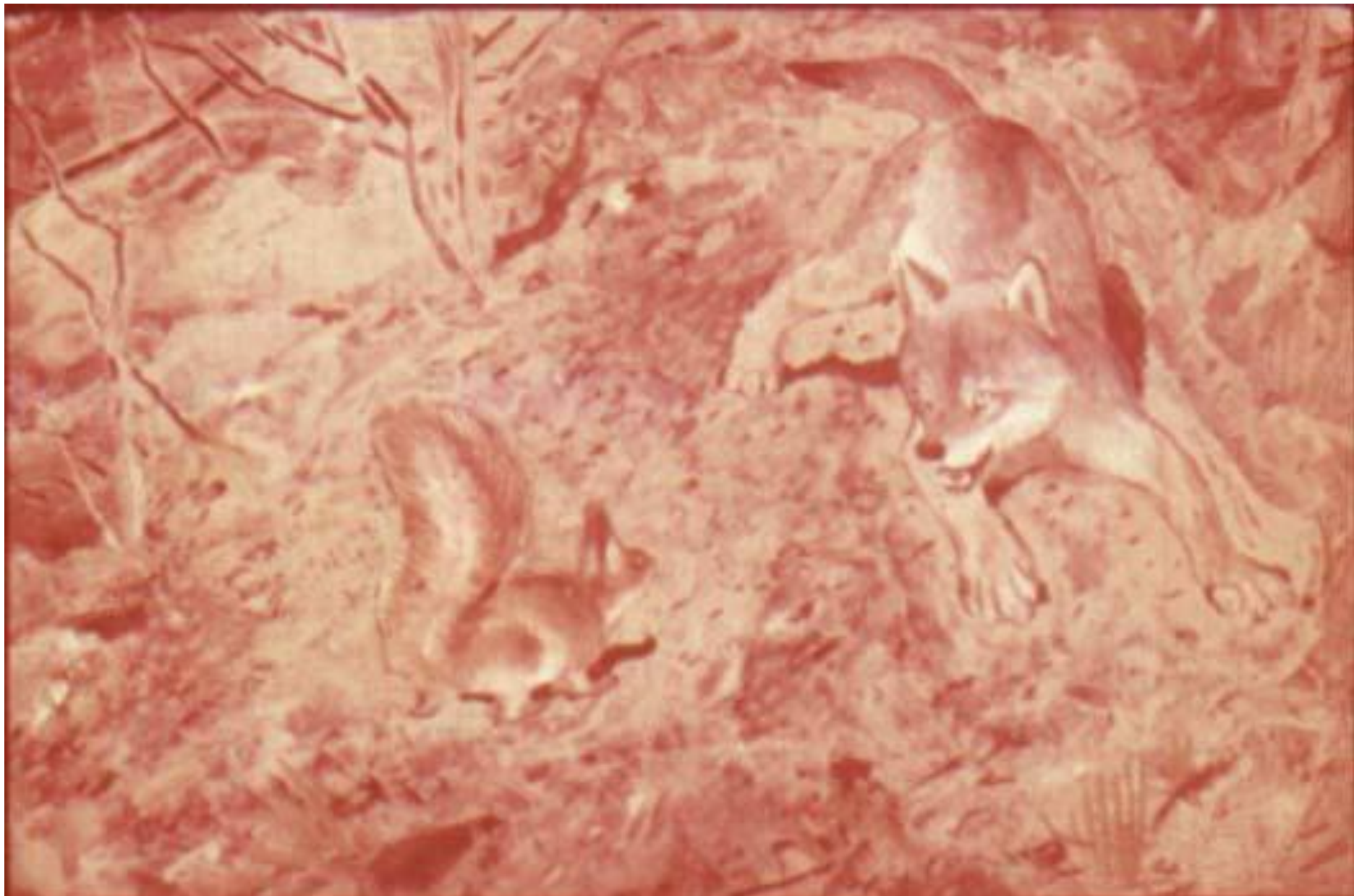
Серый волчонок рано испытал голод. Нончилось мясо, сосцы матери перестали давать молоко. Сначала погибли сёстры и братья. Потом погиб отец.

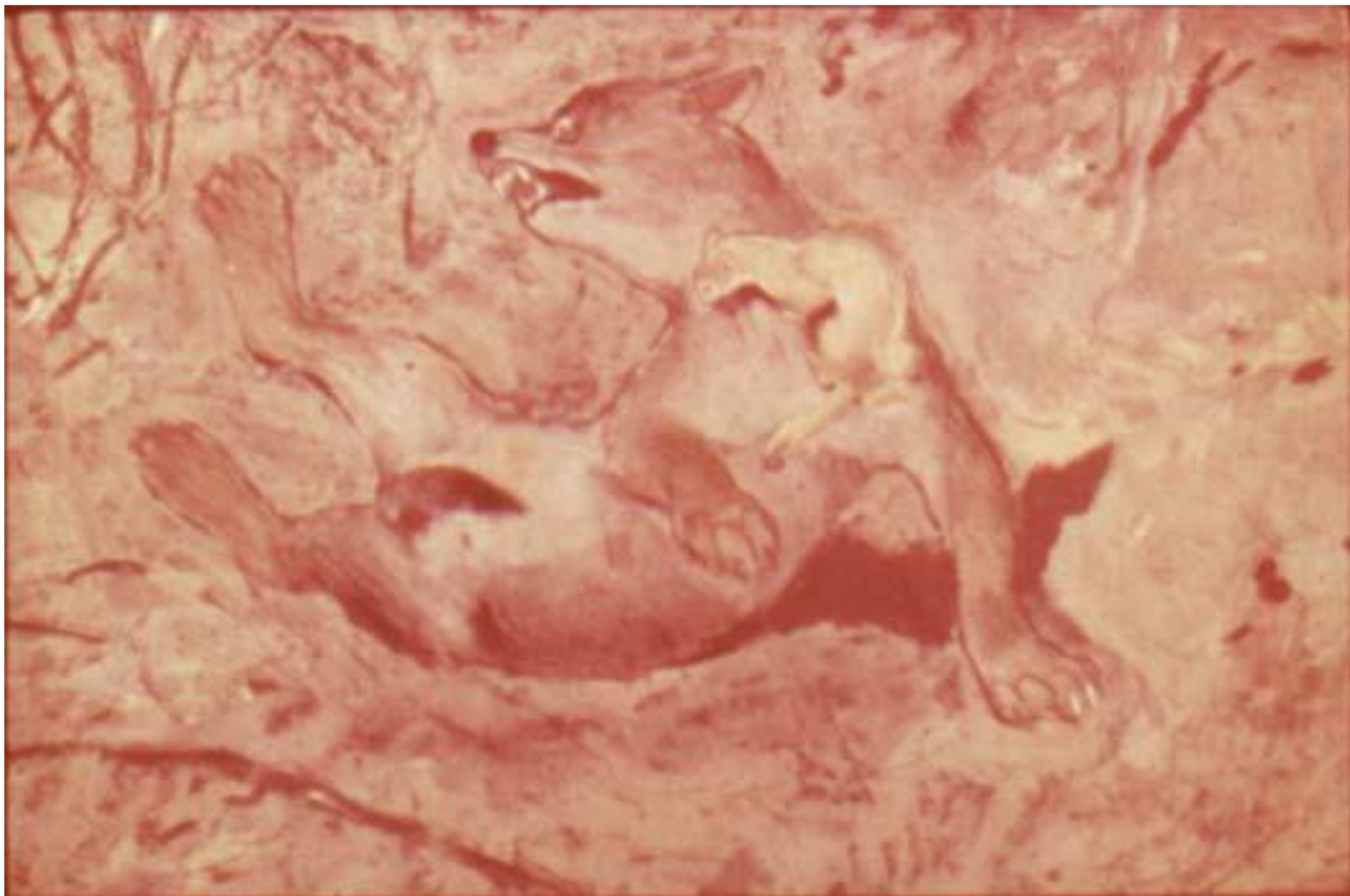
Теперь на охоту стала уходить волчица. Волчонок оставался один. Однажды он робкими шагами направился к выходу и смело шагнул прямо в воздух.

Земля крепко стукнула волчонка по носу, он завизжал и по-
натился нубарем вниз по откосу. Потом он сел и осмотрелся
вокруг.

Белка выбежала из-за сосны. Волчонок прижался к земле и зарычал. Но белка перепугалась не меньше его.

Вдруг перед глазами волчонка пронеслось жёлтое пятно. Сви-
репая ласка вцепилась ему в горло, глубоко прокусив шкурку. 12

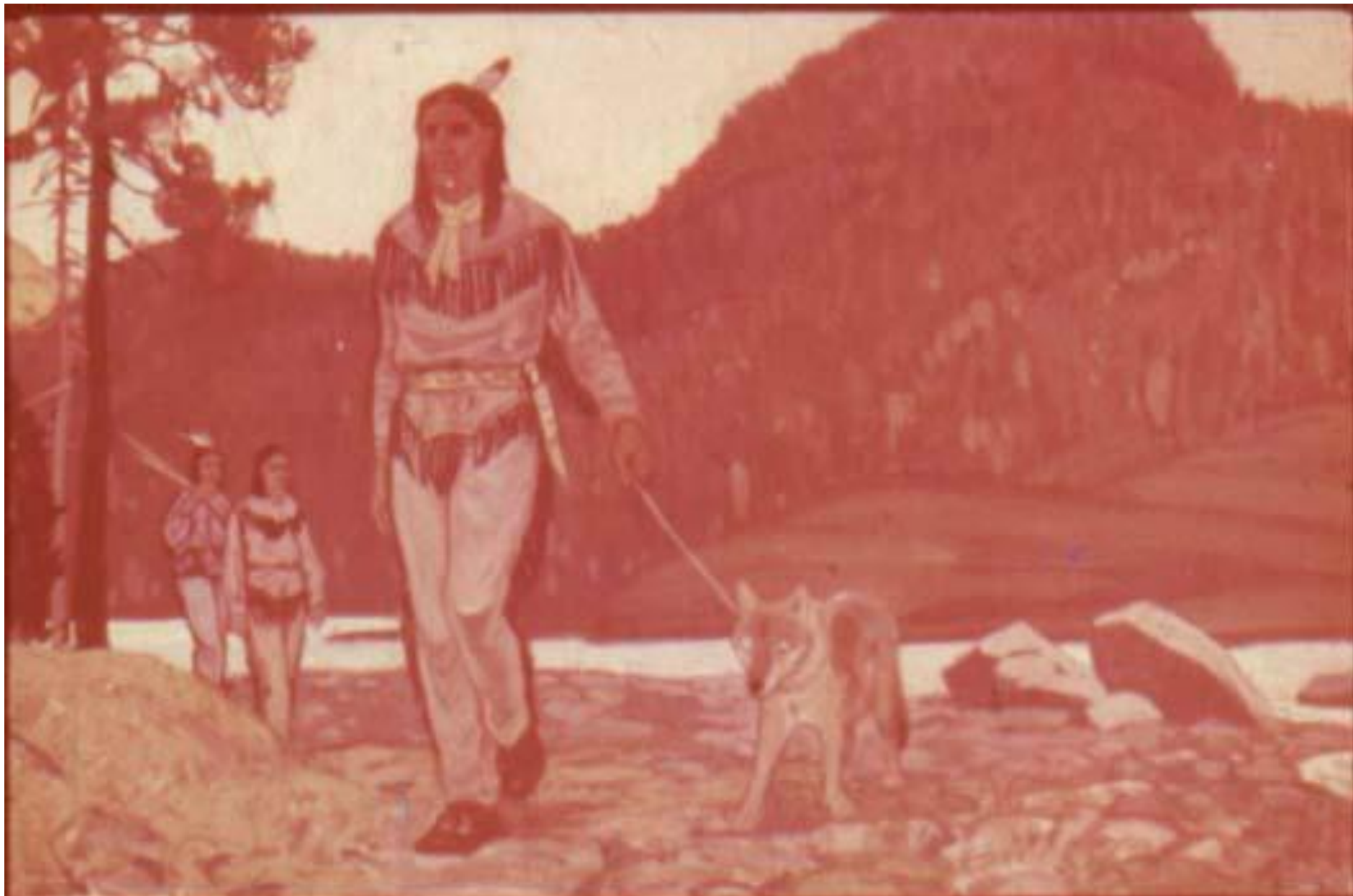
Серого волчонка ждала верная смерть. Помощь пришла не-
ожиданно. Из-за кустов выскочила волчица. Она подхватила
ласку на лету.

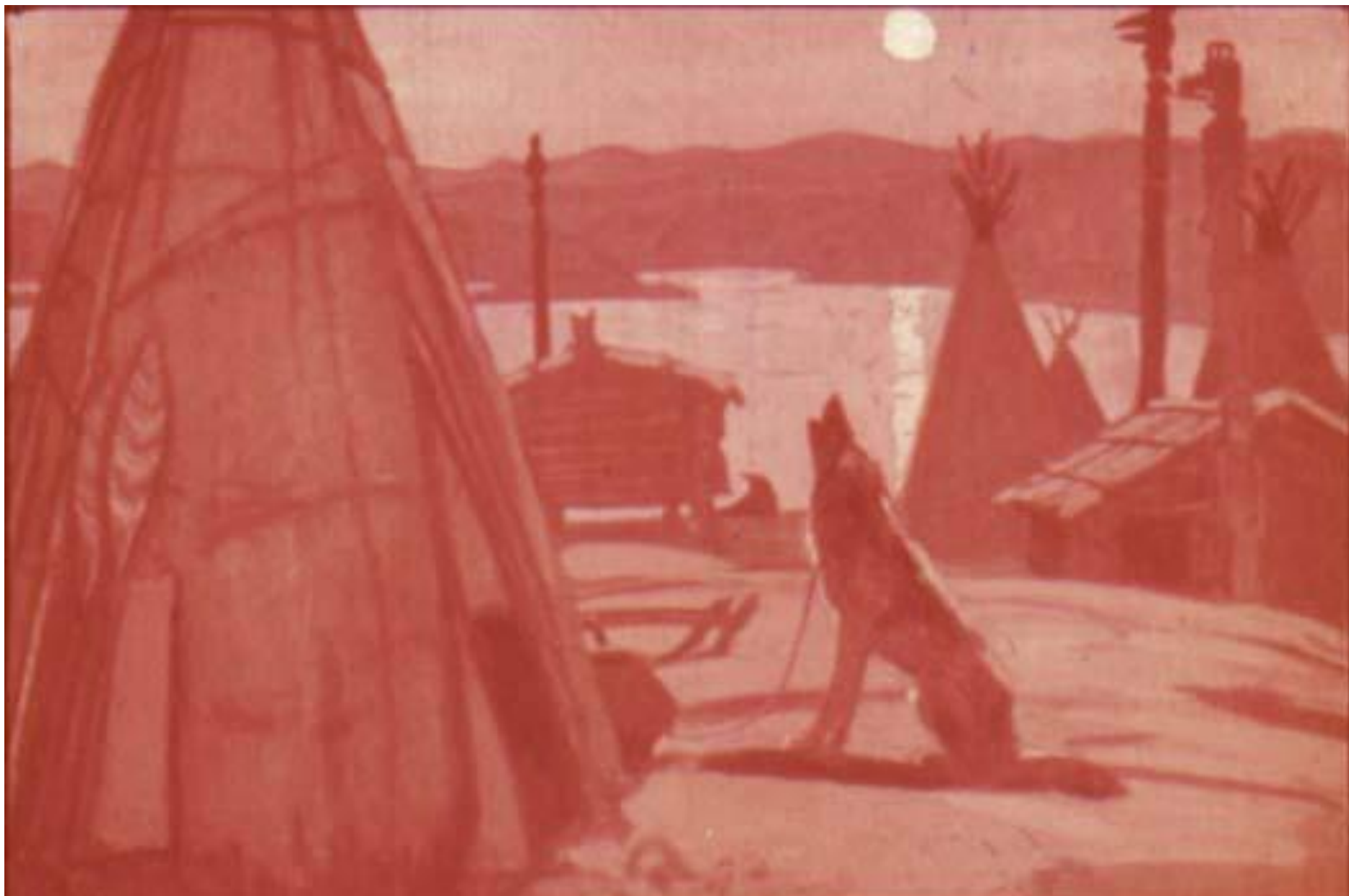
Однажды, спускаясь к ручью, волчонок неожиданно наткнулся на сидящих на корточках пять живых существ. Люди не вскочили, не оскалили зубы, не зарычали.

Один из индейцев встал, подошёл и нагнулся над ним. Шерсть на волчонке поднялась дыбом, губы дрогнули, обнаружив маленькие клыки. Человек сказал со смехом: „Смотрите, белые клыки“. — Так люди подарили ему имя.

Волчонок не знал, что волком был лишь его отец, а мать — одичавшей собакой. Что индеец Серый Бобр станет его хозяином.

Нак-то ночью он вспомнил мать и загрустил. Но грустил он так громко, что разбудил Серого Бобра, и тот побил его.

Осенью, когда индейцы вышли на охоту, Белый Нлык улизнул в лес. Волчонок резвился между деревьями, радуясь свободе.

Когда ему пошёл третий год, среди индейцев наступил страшный голод. Люди ели рунавицы, сделанные из сыромятной кожи. Ели собак.

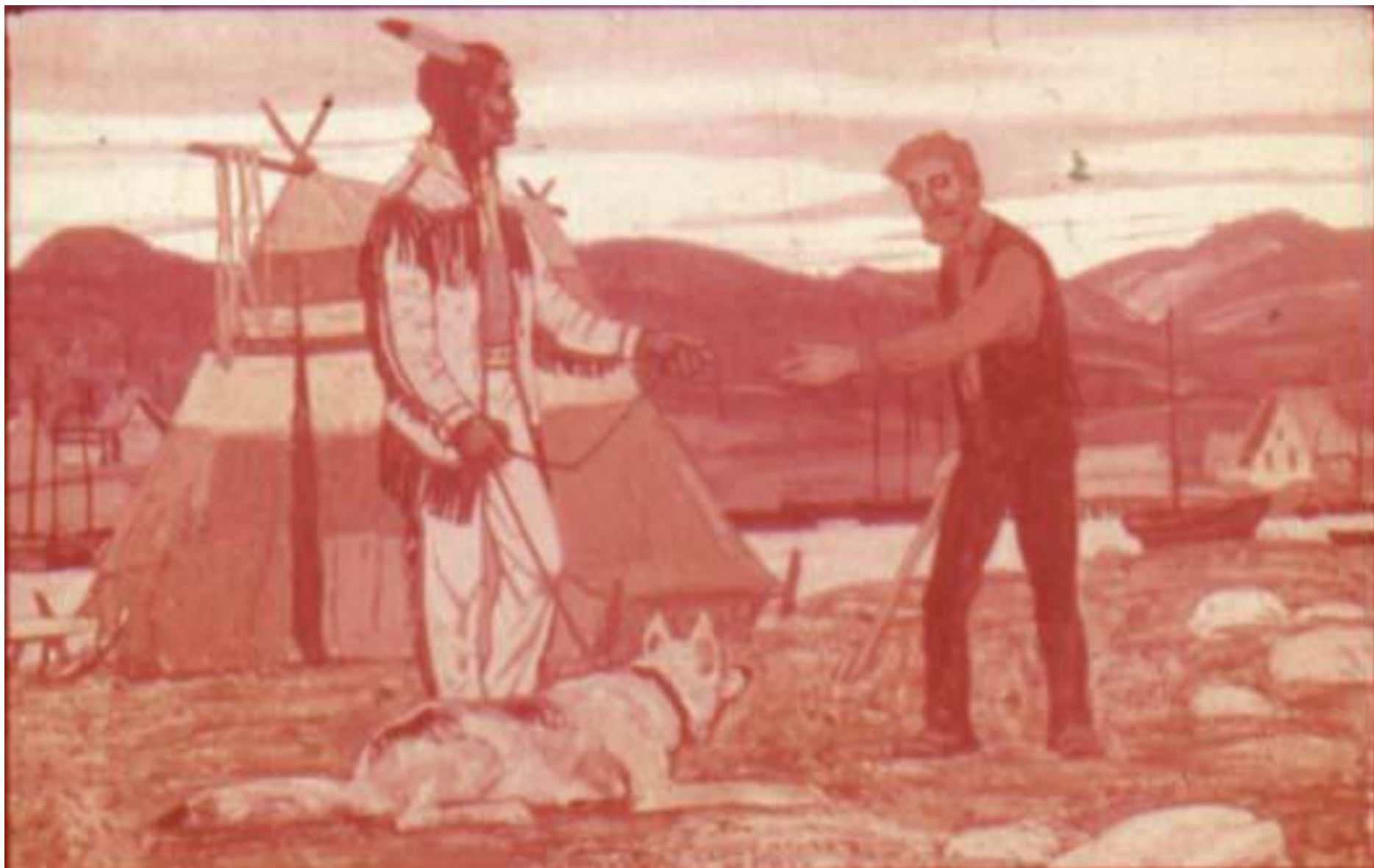
В это тяжёлое время Белый Нлык убежал в лес. По временам голод становился так мучителен, что Белый Нлык выкапывал мышей из норок.

Как-то раз Белый Клык встретился с волчьей стаей. Началась долгая, жестокая погоня, но у Белого Клыка было больше сил, и в конце концов он убежал от волков.

Когда голод кончился, Белый Нлык смело вышел из леса и побегал в посёлок прямо к вигваму Серого Бобра. Хозяйна встретила волчонка радостным криком и дала ему свежей рыбы. [2]

Пять лет спустя хозяин продал Белого Нлыка жителю берегового форта Смиту, которого старожилы прозвали в насмешку „красавчином“.

Устроив в конце форта загородку, красавчик Смит посадил Белого Юлыка на цепь и принялся злить его мелкими, но мучительными нападениями.

Узнав, что волк не выносит смеха, он заканчивал свои пытки оглушительным хохотом. И Белый Клык возненавидел всё окружающее – цепь, доски, людей, но больше всего красавчи-на Смита.

Как-то раз в загородку втолкнули большую собаку, и дверь захлопнулась. На собаке можно было выместить ярость. Белый Клык прыгнул и разорвал ей шею.

Зрители кричали, аплодировали, и в руке красавчика Смита зазвенели деньги.

Вскоре Белому Нлыну пришлось драться с двумя собаками сразу. К концу схватки он сам еле дышал. Слава о победителе пронатилась по всей стране.

Но вот однажды Смит снял с него цепь и отступил назад. Белый Клык стоял, как вкопанный. Перед ним было странное животное. Он никогда не видел бульдога.

Приземистая, неуклюжая собана проковыляла на середину круга. — „Возьми его, Чероки! Всыпь ему как следует! Бери его!“ — кричали из толпы.

На этот раз счастье изменило Белому Клыку. Он нинулся на Черони, но его плечо пришлось гораздо выше плеча противника. Он не смог удержаться и грохнулся набок. Черони вцепился ему в горло.

Увидав, что глаза Белого Нлына заволакиваются туманом, красавчик Смит, словно сорвавшись с цепи, бросился к нему и стал яростно бить ногами.

Только что прибывший молодой человек кинулся вперёд и ударил красавчика Смита куланом по лицу. — „Труссы!“ — закричал он толпе.

– Мэтт, помогите-на мне, – крикнул незнакомец погонщику. Опустившись на колени, он просунул дуло пистолета между сжатыми челюстями собаки.

Собану и волна растащили в разные стороны. Белый Нлык сделал несколько попыток встать и медленно повалился на снег.

Скотт (так звали незнакомца) открыл бумажник и отсчитал доллары. — «Возьмите деньги за собаку, или мне придётся ударить вас ещё раз».

И потянулись долгие дни у нового хозяина. Белый Нлык, ощетинившись, злобно рычал и не подпускал к себе людей. Однажды он прокусил Скотту руку, но тот решил не отступать.

У Скотта не было ни хлыста, ни палки, ни оружия. В руке он держал кусок мяса, настойчиво предлагал волку взять его из рук.

Его рука коснулась вставшей дыбом шерсти. Белый Нлык припал к земле. Рука передвинулась к ушам и стала осторожно их почёсывать.

В волке зарождались непривычные чувства. Целые часы проводил он у крыльца, ожидая появления Скотта. А когда тот заговаривал с ним, — смущался, не зная, как выразить любовь. [43]

Наступил день, когда Белый Нлык увидел чемодан, в который хозяин укладывал вещи. — „Эх ты, бедняга! Уезжаю, старина. Тебя в такую даль не возьмёшь. Ну, поворчи на прощание, поворчи как следует“.

— „Кончайте прощаться, — сказал Мэтт. — Не забудьте закрыть дверь”. — „Берегите его, Мэтт, — сказал Скотт, когда они спустились с холма. — Напишите мне, как ему тут живётся”.

Стоя около сходней, Скотт прощался с Мэттом. Но Мэтт вдруг уставился на что-то, находившееся позади хозяина. Белый Нлык сидел на палубе в нескольких шагах от них и тоскливо смотрел на Скотта.

Снотт вдруг нагнулся и показал свежие порезы на морде волна и глубокую рану между глазами. — „А про окно-то мы с вами забыли“.

Мэтт снял платок с шеи и хотел взять Белого Нлына на привязь. Но Скотт отвёл его руку: „Прощайте, Мэтт, дружнице. Возьмите свой платок. Я сам напишу вам про волка“.

Пароход отвалил от берега. Скотт повернулся к Белому Клыку: „Ну, теперь рычи, негодяй, рычи“, – сказал он, почёсывая ему прижатые к голове уши.

Конец

Сценарий А. Романенко
Редактор Г. Витухновская
Художественный редактор А. Морозов

Студия „Диафильм“, 1969 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Д-33а-03

Центровой 030